
ЦИФРОВАЯ СОЦИОЛОГИЯ: НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ

Виртуализация приватности как элемент нового гендерного порядка

УДК 316.42

DOI 10.26425/2658-347X-2022-5-3-4-13

Получено 18.03.2022

Доработано после рецензирования 25.05.2022

Принято 15.06.2022

Швецова Анастасия Владимировна

Канд. социол. наук, ст. науч. сотр. Управления научных исследований, Уральский государственный педагогический университет, г. Екатеринбург, Россия

ORCID: 0000-0002-3379-1959

E mail: shvetsovaav@mail.ru

АННОТАЦИЯ

В статье проанализирован феномен виртуализации приватности, ставший трендом в цифровом мире. Рассматривая виртуальные практики общения в контексте глобальных трансформаций социальности, автор показал, что их влияние на систему гендерных отношений имеет прогрессирующий характер, форматы отличаются структурным и содержательным многообразием. Представлен обзор важнейших мировых исследований в области социологии виртуальности, общей чертой которых является озабоченность ученых подменой реальных межличностных отношений виртуальными, стирание границ между этими слоями жизни при нарастании социального одиночества. За методологическое основание принят гендерный подход и его частная концепция – тео-

рия смены гендерного порядка, в рамках которой правила и нормы, регламентирующие приватную сферу, осмысляются как вариативные, изменчивые и имеющие социально-культурную обусловленность. Предложена теоретическая модель механизма выбора виртуального партнера, подкрепленная результатами онлайн-опроса. Проанализированы особенности становления и развития виртуальных отношений, возможности перехода в реальную плоскость в зависимости от мотивации акторов и доверия виртуальному партнеру. Отмечены некоторые тенденции в развитии виртуальных частных практик, среди которых – развитие искусственной социальности, контроль цифрового следа и общение с виртуальными агентами.

Ключевые слова

Гендер, гендерный порядок, виртуальная реальность, виртуальный роман, интернет-аддикция, искусственная социальность, социальное одиночество, виртуальная идентичность

Для цитирования

Швецова А.В. Виртуализация приватности как элемент нового гендерного порядка // Цифровая социология. 2022. Т. 5, № 3. С. 4–13.

© Швецова А.В., 2022.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

DIGITAL SOCIOLOGY: RESEARCH DIRECTIONS

Privacy virtualisation as an element of the new gender order

Received 18.03.2022

Revised 25.05.2022

Accepted 15.06.2022

Anastasia V. Shvetsova

Cand. Sci. (Soc.), Senior Researcher in the Office of Scientific Research, Ural State Pedagogical University, Yekaterinburg, Russia

ORCID: 0000-0002-3379-1959

E mail: shvetsovaav@mail.ru

ABSTRACT

The article is analysed the privacy virtualisation phenomenon, which has become a trend in the digital world. Considering virtual communication practices in the context of global sociality transformations, the author shows that their impact on gender relations is progressive; the formats differ in structural and content diversity. The overview of the most important world studies in virtuality sociology is presented. They have in common is the concern of scholars about the substitution of real interpersonal relationships by virtual ones, the blurring of boundaries between these life layers with the social loneliness growth. The methodological basis is the gender approach and its private concept – the theory of changing the gender order, within which the rules

and norms regulating the private sphere are conceptualised as variable, changeable and having socio-cultural conditioning. The author proposes a theoretical model of the mechanism for choosing a virtual partner, supported by the results of an online survey, analyses the features of the formation and development of virtual relations, the possibility of moving to the real plane, depending on the motivation of actors and trust in the virtual partner. Some trends in the development of virtual private practices are noted, including the development of artificial sociality, control of the digital footprint and communication with virtual agents.

Keywords

Gender, gender order, virtual reality, virtual novel, Internet addiction, artificial sociality, social loneliness, virtual identity

For citation

Shvetsova A.V. (2022) Privacy virtualisation as an element of the new gender order. *Digital sociology*, vol. 5, no. 2, pp. 4-13. DOI: 10.26425/2658-347X-2021-5-3-4-13

© Shvetsova A.V., 2022.

This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

ВВЕДЕНИЕ / INTRODUCTION

Новый гендерный порядок характеризуется постмодернистским сдвигом в семейно-брачной системе. Одной из ключевых тенденций становится виртуализация интимности – использование сети «Интернет» (далее – Интернет) в качестве среды для личных, частных коммуникаций. Принципиальным отличием от традиционных форм отношений является усиление роли воображения, которое объединяет имеющуюся эпизодичную информацию о партнере и достраивает картину до желаемых границ реальности. Физическая близость перестает быть основным и обязательным условием существования пар, что трансформирует процессы их становления, развития и распада. Возникающие формы гендерных отношений неизбежно изменяют принципы функционирования института семьи, что не имеет пока адекватного научного объяснения, поскольку концепции для описания традиционных брачно-семейных связей не валидны в данных условиях.

Основными факторами популярности виртуальных отношений являются доступность цифровых технологий и рост социального одиночества. По данным Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), доля пользователей Интернета среди россиян на сегодняшний день составляет 81 %, причем коммуникация с близкими и знакомыми лидирует среди наиболее распространенных занятий, осуществляемых посредством сети (88 %)¹. Наибольшую виртуальную активность демонстрирует молодежь, адаптируя свои образовательные, профессиональные, коммуникативные и рекреационные потребности к реализации в цифровом пространстве. Значительная часть жизненного времени проводится в сети, что актуализирует проблему социального одиночества.

В технологически развитых обществах процесс виртуализации приватной сферы принимает крайние формы. Характерен пример Японии, где популярность набирают браки с виртуальными агентами (первые – в 2009 г.) [Koike and Loughnan, 2021]. В 2018 г. 35-летний японец женился на виртуальной поп-звезде Хацунэ Мику. Свое решение он объяснил негативным опытом отношений с реальными женщинами, а также тем, что Хацунэ, в отличие от обычной женщины, не обманывает и не стареет. Свадьба стала резонансным событием, которое обнажило многие латентные социальные процессы:

виртуальные связи ослабляют реальные. Симптоматичен не только факт бракосочетания с голограммой, но и общественная реакция: компания, владеющая голограммой, получила 3 000 заявок на проведение официальных брачных церемоний с аниме-персонажами. В 2021 г. в Японии введена новая правительственная должность – министр по делам одиночества (три годами ранее подобный пост появился в Великобритании). Это первые политические реакции на нарастающую проблему социального одиночества, обусловленную во многом замещением реальных процессов виртуальными и меняющую ландшафт института семьи.

Виртуальные практики изменили классические подходы к исследованию брачно-семейных отношений. Приватная сфера, которая традиционно считается одной из наиболее закрытых для исследований, стала еще более труднодоступной, поскольку появилась возможность общения пар не только на расстоянии, но и без личного знакомства. Виртуальные любовные отношения находятся вне фокуса научного внимания, их сложно выявить, зафиксировать и содержательно определить. Такие отношения лишены ключевых основ семейно-брачного порядка – интимности и совместного быта. Вместе с тем они осмысливаются участниками как реальные и имеют реальные последствия – в виде временных и эмоциональных затрат, и в конечном счете в виде новой реальности человеческого взаимодействия.

Цель статьи состоит в концептуализации и методологическом обосновании феномена виртуализации приватной сферы. Автором проведен анализ актуальных исследований на стыке гендерных исследований и исследований социальных последствий виртуальности, предложен ряд определений, формирующих основное понятийное поле данной проблемы, описан ключевой механизм создания виртуальной пары – выбор виртуального партнера, определены особенности перехода из виртуальной плоскости в реальную в зависимости от мотивации акторов и доверия виртуальному партнеру.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОБЗОР / LITERATURE REVIEW

При анализе трансформации социальных слов в цифровую эпоху важно руководствоваться принципом междисциплинарности. Актуальные философские теории позволяют осознать виртуальность как вариацию бытия, отсылающего к своей модели или оригиналу в реальном мире. Она иллюзорна, но ее влияние на бытие – реально, что делает виртуальные

¹ ВЦИОМ *Новости* (2020). Цифровой детокс: зачем, как и почему? / Аналитический обзор ВЦИОМ, 04.02.2020. Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cifrovoy-detoks-zachem-kak-i-pochemu> (дата обращения 15.03.2022).

объекты экзистенциально автономными [Ледников, 2010; Прилукова, Кошкарлова, 2017; Chalmers, 2017; Horujy, 2019; Doornwaard et al, 2017]. Виртуальная реальность рассматривается как вторичная по отношению к порождающей ее константной реальности, но при этом они онтологически равнозначны. Виртуальность и константность образуют категориальную оппозицию, но стремятся к слиянию и взаимному поглощению. Противоречивая двойственность этих понятий транслируется на все процессы, происходящие на соответствующих уровнях, в том числе процессы человеческого взаимодействия. Этот философский принцип был развит в теории антропоморфизма виртуальных агентов и получил экспериментальное подтверждение [Koike and Loughnan, 2021].

Психология виртуального пространства исследует Интернет преимущественно в качестве поля специфического поведения человека. В частности, выделены и описаны следующие принципы, лежащие в основе поведения человека в киберпространстве: анонимность, гибридность онлайн-и офлайн-форм, репутационная прокачка, мобильность, иммерсия, распределенность [Войскунский, 2016]. Исследован феномен присутствия [Авербух, 2018; Величковский, 2016; Chirico, 2017], обосновано существование взаимосвязи между переживанием эмоций в виртуальной среде и переживанием феномена присутствия [Diemer et al, 2015]. Эти данные имеют принципиальное значение для понимания психологической природы феномена виртуальных коммуникаций. Социологический инструментарий должен разрабатываться с учетом того, что реальные и виртуальные события имеют идентичные психоэмоциональные последствия, о чем респонденты не всегда готовы говорить откровенно.

В медицинской интерпретации чрезмерная вовлеченность в виртуальные отношения представляет собой разновидность интернет-аддикций [Егоров, 2015; Young, 2011]. Учеными определена симптоматика такого рода зависимости, разработаны критерии диагностики, апробированы медикаментозные и психиатрические методы лечения. Интернет-эротоголизм по своей клинической картине схож с другими формами аддиктивного поведения: характерна озабоченность, наличие синдрома отмены, функциональные нарушения и часто является сопутствующим состоянием при психопатологиях. Однако об аддикции речь идет только тогда, когда превышаются допустимые временные пределы и утрачена саморегуляция поведения. Таким образом, возникает необходимость разграничения виртуализации интимных практик как социального

тренда, укладывающегося в рамки культурных трансформаций, и как патологического состояния.

Социологическая интерпретация виртуальности опирается на структурно-функциональный и системный подходы. Виртуальность мыслится новой средой, в которую переносятся и адаптируются социальные процессы и явления. Например, конструирование идентичности и практики самопрезентаций [Летов, 2013; Щекотуров, 2017], одиночество [Пузанова, 2009; Рогова, 2009], организация досуга [Бродовская, 2016]. Исследования в рамках социологии гендера позволяют зафиксировать обеспокоенность ученых новыми рисками, связанными со скоростью вхождения в информационную эру и не успевающим адаптироваться к этим изменениям человеческим сознанием. Фокус европейских гендерных исследований сосредоточен в большей степени на проблеме неравенства и формировании гендерной нейтральности как социальной нормы информационного общества [Skowron, 2020]. Отечественные исследования тяготеют к встраиванию новых форм гендерных отношений в традиционную брачно-семейную систему [Ильин и др., 2020].

Сужая фокус внимания до работ, посвященных практикам виртуальной близости, можно условно выделить два направления. Первое объединяет исследования секстинга – сексуальной активности с использованием цифровых медиа. В международном формате эта тема пользуется популярностью, статьи регулярно публикуются в специализированных высокорейтинговых изданиях, например в журнале *The Journal of Sex Research*. Ученые считают, что секстинг открывает новую сексуальную арену, которая сочетает сексуальную объективацию и расширение возможностей [Liong, 2019; Ross, 2005]. Интернет рассматривается как среда, предоставляющая подросткам возможности активно формировать собственную сексуальную идентичность, получать интересующую их информацию [Doornwaard, 2015]. Отечественные работы, посвященные секстингу, немногочисленны. В частности, результаты исследования, направленного на изучение отношения к виртуальному сексу в Интернете среди пользователей разных возрастных групп представлены С. Галяутдиновой и Е. Ахмадеевой [2015]. Авторы пришли к выводу о существовании возрастных различий в отношении к виртуальному сексу и сделали некоторые предположения относительно причин, побуждающих людей обратиться к интернет-пространству и соответствующим веб-сайтам для удовлетворения своих сексуальных потребностей. В статье О. Зайцевой [2019] проанализирована роль соматического

кода в конструировании сексуального взаимодействия в секстинге. Автор считает, что телесность является ключевым концептом, конструирующим виртуальную реальность сексуального взаимодействия, а также выделяет гендерные роли и связанные с ними полоролевые паттерны.

Второе направление в исследовании практик виртуального приватного взаимодействия – это изучение виртуальных романов, основой которых выступает эмоционально-чувственная составляющая. В целях настоящей статьи последнее вызывает наибольший интерес, поскольку именно социальный аспект приватного общения представляет интерес для понимания трансформаций гендерного порядка. Российские публикации по данной тематике единичны (поисковый запрос на платформе eLIBRARY.RU дает следующие результаты: по тегу «виртуальная любовь» – 4 статьи, 3 из которых – тезисы конференции, 1 – статья в сборнике студенческих работ). В статье Ю. Проект и М. Зибзибадзе [2016] приводятся результаты эмпирического исследования нарративов виртуальных романтических отношений молодежи с целью проверки гипотезы об отчуждении виртуального «Я» пользователями, создающими повествования в интернет-среде. С. Зубарева [2011] обозначает необходимость социально-философской интерпретации феномена «виртуальной любви», возникновение которого связывает с экзистенцией одиночества. В статье А. М. Руденко и Е. А. Филимонова [2008] дается трактовка виртуальных романов как формы компенсации эмоциональной депривации современного человека. Виртуальные романы рассматриваются как фактор дестабилизации брачных отношений [Галютдинова, Ахмадеева, 2013; Ахмадеева, 2014], потенциально опасная среда коммуникаций молодежи [Панкратова, 2018; Панкратова, 2019].

Таким образом, научный ответ на социальный запрос о виртуализации практик межличностного общения нельзя назвать сформированным. Публикации, затрагивающие проблематику виртуальных романов, эпизодичны и носят преимущественно характер рассуждений, тогда как сами практики распространяются с высокой скоростью, внося серьезные коррективы в гендерный порядок. Отсутствуют работы, посвященные анализу социально-культурных последствий виртуализации интимности, нет устоявшихся языковых схем для описания виртуальных любовных отношений и соответствующей методологии.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ / MATERIALS AND METHODS

Основной сложностью в исследованиях виртуальных отношений является определение валидности выборки. Трудно оценить действительный объем генеральной совокупности, поскольку респонденты не склонны сообщать открыто о практиках, легитимность которых вызывает у них сомнения. Отсутствие устоявшихся языковых конструктов и апробированных методов также являются ограничениями данной работы, побуждая нас методом проб и ошибок искать подходящие инструменты. В середине 2019 г. Центром инновационной деятельности Уральского государственного педагогического университета (г. Екатеринбург) было проведено пилотное исследование «Виртуальные отношения: грани реальности», целью которого было уточнение ориентиров для разработки концепции изучения виртуальных приватных практик россиян. Мы разместили интерактивный опросник в социальной сети «ВКонтакте» наиболее популярном среди российской молодежи социальном сервисе. Призыв к участию в опросе был размещен в студенческих сообществах, сообществах для знакомства, что позволило собрать порядка 260 анкет. Более 86 % респондентов – молодые люди от 18 до 35 лет, 76 % имеют высшее образование, почти 65 % холосты или разведены. Все участники опроса отметили, что ежедневно проводят часть своего времени в социальных сетях и мессенджерах.

Анкета имела два варианта опросного пути в зависимости от того, положительно или отрицательно отвечал респондент на вопрос о наличии опыта виртуальных отношений. Полуоткрытые вопросы в основной части позволили получить ценные замечания, например, дискуссионным оказался вопрос «Насколько достоверную информацию о себе Вы выкладываете в Интернете?». Помимо готовых вариантов «исключительно достоверную», «слегка приукрашиваю действительность», «скрываю то, что мне в себе не нравится» и «в сети я совсем другой человек», респонденты отметили разграничение между публичными данными, которые они склонны изменять, и личной перепиской, где сохраняют максимальную честность. Кроме того, опасность утечки персональной информации и использование ее злоумышленниками заставляет пользователей скрывать или искажать собственные данные.

РЕЗУЛЬТАТЫ / RESULTS

Все участники опроса ежедневно пользуются социальными сетями, наиболее популярными из которых называют «ВКонтакте» и «Инстаграм», что согласуется с данными большинства российских исследований по указанной выше возрастной группе. Более половины респондентов ответили, что имеют опыт виртуальных знакомств, из них «несколько раз, когда люди особо меня заинтересовывали» – 48 %, «только однажды, исключительный случай» – 36 %, «это происходит часто» – 13 %. Остальные ответы единичны, но так или иначе отражают позицию «мне пишут часто, но...», собственная активность и поисковый интерес не афишируется. Есть основания полагать, что виртуальная активность воспринимается актором как часть реальной, хотя и допускающая большую свободу и анонимность. Успехи и неудачи виртуальных знакомств влияют на самооценку, формируют гендерную идентичность.

При возможности множественного ответа наиболее значимыми аспектами профиля собеседника называют следующие: внешняя привлекательность (66 %), посты, интересы (65 %), анкета, персональная информация (32 %), музыка, видео, которыми делится человек (31 %), круг друзей, популярность (10 %). Основой взаимодействия служит личная переписка, общие темы для разговора (70 %) и уровень грамотности собеседника (56 %). Следовательно, привычные маркеры привлекательности переносятся в цифровую среду из реальной жизни, адаптируясь к условиям виртуального пространства.

Вопрос «Оцените, пожалуйста, серьезность своих намерений по отношению к Вашему виртуальному партнеру (партнерше) по 10-балльной шкале» не выявил ни одной центральной тенденции, ответы распределены равномерно по всей шкале. На вопрос о реалистичности своих переживаний четверть опрошенных признают, что чувствуют близкую связь с интернет-партнером, треть утверждает, что всегда помнят об отсутствии реального знакомства, почти половина испытывают оба эти состояния поочередно. Это может указывать на ситуативный характер ответов, колебания, отсутствие четкого понимания, являются ли такие отношения социально приемлемыми.

Последствия виртуальных отношений могут быть как незначительными для реальной жизни («сошли на нет» – 45 %, «перешли в дружеские» – 12 %, «встретились, но чувства прошли» – 10 %, «общаемся виртуально» – 9 %), так и изменить ее («поженились / планируем пожениться» – 12 %). В ряде случаев такие отношения длятся

годами, создавая ситуацию множественной реальности. Одной из возможных причин, усложняющих переход в офлайн, является недоверие сообщаемых о себе сведений («В сети я слегка себя приукрашиваю» – 18 %, «Я скрываю то, что мне в себе не нравится» – 16 %, «В сети я совсем другой человек» – 7 %), боязнь разоблачения. Кроме того, виртуальный роман может протекать параллельно с реальными отношениями. Исследовательского внимания заслуживает тот факт, что виртуальный адюльтер приравнивается к реальному, хотя исключает физическую близость («пусть и виртуальная, но это влюбленность в другого человека» – 60 %, «эти отношения отнимают много времени и могут испортить реальные» – 34 %). В условиях вынужденного социального дистанцирования виртуальные связи обретают новый смысл, претендуя на роль первостепенной реальности, что делает вопрос соотношения офлайн- и онлайн-жизни актуальным научным фронтом.

ОБСУЖДЕНИЯ И ВЫВОДЫ / DISCUSSIONS AND FINDINGS

Анализ полученных результатов показал ряд неточностей, которые следует учитывать при разработке методов исследования виртуальных частных практик. Изначально мы не разграничивали «виртуальное общение» как способ времяпрепровождения и «виртуальный роман» как вовлеченность в длительную и эмоционально окрашенную переписку, хотя в результате анализа ответов необходимость этого шага стала очевидной. В большинстве анкет прослеживается приверженность одному из сценариев общения, и их стоит изучать как две разные тенденции одного процесса. Кроме того, стоит вводить дополнительные поля, давая возможность респондентам рассказать о личном опыте виртуального общения, который выходит за рамки опросника. Вопрос о виртуальном адюльтере показал, что целесообразно углублять этические аспекты, они имеют большой объяснительный потенциал.

На основании анализа научной литературы и полученных нами данных, мы попытались описать логику развития виртуальных отношений. Первый вопрос связан с механизмом выбора партнера в ситуации, когда традиционные маркеры привлекательности – внешность, голос, манера поведения и т. д. недоступны. Вероятно, что построение образа виртуального собеседника для опытного пользователя – рутинная операция, требующая минимальных временных затрат. Первым фильтром для отбора подходящих

кандидатур служат фотографии профиля. Мы полагаем, что оценивается не только внешняя привлекательность, но и одежда, ситуация, в которой сделано фото. Габитус задает представление о социальном статусе человека, помогая «отсеять» тех, кто очевидно принадлежит к другому классу. Чем выше сходство, тем более комфортно и уверенно люди чувствуют себя с потенциальным партнером [Bleske-Rechek, 2009]. Далее анализируется система интересов и ценностей (стена профиля, персональная информация о себе, музыка и фильмы, которые сохраняет человек, круг друзей). В ряде случаев респонденты признаются, что сверяют предложенную информацию с данными, имеющимися в открытом доступе; другие отмечают, что полагаются на подсказки интуиции. В личной переписке оценивается умение вести интересную и содержательную беседу (важно для более 70 % опрошенных, имеющих опыт виртуальных отношений), уровень грамотности человека (56 %). В реальности предложенная схема не имеет четкой последовательности, события могут развиваться параллельно, с большей или меньшей степенью осознанности, но, судя по всему, система «виртуальных фильтров» действительно помогает людям ориентироваться в многообразии аватаров.

Следующий этап в развитии виртуальных отношений – фаза активного общения. В традиционных сценариях она характеризуется стремлением к пространственной близости и частотой встреч. Виртуальные встречи представляют собой обмен текстовыми или голосовыми сообщениями, оценивание и комментирование контента. Элементом ухаживания может выступать символический дарообмен – картинки, имитирующие реальные подарки: цветы, сладости, автомобили и т. д., которые предоставляются в мессенджерах и социальных сетях как бесплатно, так и на платной основе. Анализ анкет показывает, что люди испытывают затруднения в оценке серьезности своих намерений по отношению к виртуальному партнеру. Эти сложности вызваны диссонирующими состояниями близкого контакта, иногда тонкой душевной связи с одной стороны и фактическим незнанием партнера с другой. Как правило, на этом этапе принимается решение о возможности перехода в офлайн.

Вопрос о том, каков механизм перехода онлайн-отношений в офлайн-плоскость является принципиальным для понимания того, насколько сильно виртуализация интимности изменит нашу жизнь. Различные сценарии развития виртуальных отношений предусматривают варианты как с созданием традиционной пары,

так и долгосрочные виртуальные романы, размывающие границы реальности. Манипуляции одного из партнеров, отказ от встреч или их перенос может служить доказательством недостоверности его сведений о себе, фиктивности декларируемых намерений. Такие отношения могут быть весьма травматичными, что подтверждается данными психологов, и приводить к аддикции.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ / CONCLUSION

Новый гендерный порядок внес серьезные коррективы в формулу брачно-семейных отношений: размыл границы гендерных ролей, легитимировал внебрачные связи, определил приоритет личного над социальным. Происходящая параллельно цифровизация социальных практик способствовала возникновению нового феномена – виртуальной интимности, заключающегося в использовании Интернета в качестве среды для личных, частных коммуникаций.

Мы полагаем, что доступность цифровых технологий и растущее социальное одиночество будут усиливаться и в дальнейшем, компенсируя нехватку реальных человеческих отношений виртуальными. Как показало исследование, различия в восприятии виртуальных и реальных событий условны, что делает вопрос развития искусственной социальности лишь вопросом времени и технологий. Параллельно с ростом виртуальной активности видоизменяется система контроля за ней. Совершенствуется технология создания профилей в социальных сетях, минимизируя возможность регистрации множества фейковых аккаунтов, цифровые следы позволяют пользователям проверять информацию о предполагаемом партнере.

Другой актуальной тенденцией удовлетворения потребности в общении является общение с виртуальными агентами, которые принимая все более антропоморфные черты из умных вещей становятся полноценными социальными и, как показал опыт Японии, интимными партнерами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Авербух Н. В.* (2018). Субъективный метод изучения особенностей переживания феномена присутствия // Национальный психологический журнал. № 3 (31). С. 69–89. <https://doi.org/10.11621/npj.2018.0307>
- Ахмадеева Е. В.* (2014). Виртуальное пространство как угроза психологической безопасности семьи // Вестник Башкирского университета. Т. 19, № 1. С. 242–247.
- Бродовская Е. В., Домбровская А. Ю., Синяков А. В.* (2016). Стратегии использования социальных сетей в современной России: результаты многомерного шкалирования // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 1 (131). С. 283–296. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2016.1.13>
- Величковский Б. Б.* (2016). Влияние обнаружения и коррекции ошибок на феномен присутствия в виртуальных средах // Вестник московского университета. Серия 14. Психология. № 3. С. 25–33.
- Войскунский А. Е.* (2016). Поведение в киберпространстве: психологические принципы // Человек. № 1. С. 36–49.
- Галютдинова С. И., Ахмадеева Е. В.* (2013). Понимание супружеской измены пользователями интернет-пространства // Вестник Башкирского университета. Т. 18, № 3. С. 906–911.
- Галютдинова С. И., Ахмадеева Е. В.* (2015). Отношение к виртуальному сексу среди пользователей Рунета // Advanced studies in science: theory and practice. London: Global Partnership on Development of Scientific Cooperation; Ron Bee and Associates Company. Pp. 119–127. (Англ. яз.)
- Егоров А. Ю.* (2015). Современные представления об интернет-аддикциях и подходах к их коррекции // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. № 4 (33). С. 4–10.
- Зайцева О. В.* (2019). Соматический код в секстинге // Политическая лингвистика. № 6 (78). С. 171–181. <https://doi.org/10.26170/pl19-06-22>
- Зубарева С. С.* (2011). «Любовь в сети»: средство избежать одиночества или возможность уйти от реальности (социально-философский анализ) // Материалы на XLIX международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс», Новосибирск, 16–20 апреля 2011 г. Новосибирск: Новосибирский национальный исследовательский государственный университет. С. 148–152.
- Ильин В. И. и др.* (2020). Двое в обществе: интимная пара в современном мире / под науч. ред. И. В. Ломакина. 640 с. М.: ВЦИОМ.
- Ледников Е. Е.* (2010). Виртуальная реальность и философия // Эпистемология и философия науки. Т. 25. № 3. С. 239–241.
- Летов Е. В.* (2013). Сетевая идентичность в культуре современного информационного общества // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. № 4 (54). С. 62–65.
- Панкратова Л. С.* (2018). В поисках близких отношений онлайн: риски виртуальных сексуальных и романтических коммуникаций // Материалы научной конференции «XII Ковалевские чтения “Солидарность и конфликты в современном обществе”, Санкт-Петербург, 15–17 ноября 2018 г. Отв. ред. Ю. В. Асочаков. Санкт-Петербург: Скифия-принт. С. 430.
- Панкратова Л. С.* (2019). Романтические отношения современной российской молодежи в цифровую эпоху // Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием «XIII Ковалевские чтения “Молодежь XXI века: образ будущего”. Санкт-Петербург, 14–16 ноября 2019 г. Отв. ред. Н. Г. Скворцов, Ю. В. Асочаков. Санкт-Петербург: Скифия-принт. С. 568–569.
- Прилукова Е. Г., Кошкарлова Н. Н.* (2017). Реальность нереального: мир как поток симулякров // Философия и наука. № 16. С. 155–162.
- Проект Ю. Л., Зибзибадзе М. Г.* (2016). Пользователь как персонаж: нарративы виртуальных романтических отношений // Сборник научных статей и материалов международной конференции «Цифровое общество как культурно-исторический контекст развития человека», Коломна, 11–13 февраля 2016 г. Под ред. Р. В. Ершовой. Коломна: Государственный социально-гуманитарный университет. С. 342–346.
- Пузанова Ж. В.* (2009). Социологическое исследование одиночества: проблема построения концептуальной модели // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. № 2. С. 42–46.
- Рогова Е. Е.* (2009). Одиночество в условиях социальной трансформации современного общества (концептуальный анализ) // Теория и практика общественного развития. № 3–4. С. 68–76.
- Руденко А. М., Филимонова Е. А.* (2008). «Виртуальные романы» как форма компенсации эмоциональной депривации современного человека // Социально-гуманитарные проблемы современности: сборник научных трудов. Шахты: Южно-Российский государственный университет экономики и сервиса. С. 70–72.
- Щекотуров А. В.* (2017). От флирта до смены пола онлайн: подростковые практики альтернативных самопрезентаций в социальной сети «ВКонтакте» // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. № 6 (142). С. 327–343. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.6.17>
- Bleske-Rechek A., Remiker M. W., Baker J. P.* (2009). Similar from the start: assortment in young adult dating couples and its link to relationship stability over time // Individual Differences Research. V. 7, no. 3. Pp. 142–158.
- Chalmers D. J.* (2017). The virtual and the real // Disputatio. V. 9, no. 46. Pp. 309–352. <https://doi.org/10.1515/disp-2017-0009>

- Chirico A., Cipresso P., Yaden D.B., Biassoni F., Riva G., Gaggioli A. (2017). Effectiveness of immersive videos in inducing awe: an experimental study // *Scientific Reports*. No. 7. Art. 1 218, <https://doi.org/10.1038/s41598-017-01242-0>
- Diemer J., Alpers G. W., Peperkorn H. M., Shiban Y., Mühlberger A. (2015). The impact of perception and presence on emotional reactions: a review of research in virtual reality // *Frontiers in Psychology*. No. 6. Art. 26. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2015.00026>
- Doornwaard S. M., ter Bogt T. F., Reitz E., van den Eijnden R. J. (2015). Sex-related online behaviors. Perceived peer norms and adolescents' experience with sexual behavior: testing an integrative model // *PLoS One*. No. 10 (6). Art. e0127787. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0127787>
- Horujy S. (2019). The posthuman and the virtual man in their modes of socialization // *Russian Studies in Philosophy*, V. 57, no. 1. Pp. 97–115. <https://doi.org/10.1080/10611967.2019.1545993>
- Koike M., Loughnan S. (2021). Virtual relationships: anthropomorphism in the digital age // *Social and Personality Psychology Compass*. V. 15, no. 6. Art. e12603. <https://doi.org/10.1111/spc3.12603>
- Liong M., Cheng G. (2019) Objectifying or liberating? Investigation of the effects of sexting on body image // *The Journal of Sex Research*. V. 56, no. 3. Pp. 337–344, <https://doi.org/10.1080/00224499.2018.1438576>
- Ross M. W. (2005) Typing, doing, and being: sexuality and the internet // *The Journal of Sex Research*. V. 42, no. 4. Pp. 342–352. <https://doi.org/10.1080/00224490509552290>
- Skowron B. (2020). Virtual objects: becoming real // *Horizon*. V. 9, no. 2. Pp. 619–639. <https://doi.org/10.21638/2226-5260-2020-9-2-619-639>
- Young K. S. (2011) CBT-IA: The first treatment model to address Internet addiction // *Journal of Cognitive Therapy*. Vol. 25, no. 4. pp. 304–312. <https://doi.org/10.1891/0889-8391.25.4.304>

REFERENCES

- Averbukh N. V. (2018), “A subjective study of the presence experience phenomenon”, *National Psychological Journal*, no. 11 (3), pp. 69–89, <https://doi.org/10.11621/npj.2018.0307>
- Akhmadeeva E. V. (2014), “Virtual space as a threat to psychological safety of a family”, *Vestnik Bashkirskogo universiteta*, vol. 19, no. 1, pp. 242–247.
- Bleske-Rechek A., Remiker M. W. and Baker J. P. (2009), “Similar from the start: assortment in young adult dating couples and its link to relationship stability over time”, *Individual Differences Research*, vol. 7, no. 3, pp. 142–158.
- Brodovskaya E. V., Dombrovskaya A. Yu. and Sinyakov A. V. (2016), “Social media strategies in modern Russia: results of multidimensional scaling”, *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, no. 1, pp. 283–296, <https://doi.org/10.14515/monitoring.2016.1.13>
- Chalmers D. J. (2017), “The virtual and the real”, *Disputatio*, vol. 9, no. 46, pp. 309–352, <https://doi.org/10.1515/disp-2017-0009>
- Chirico A., Cipresso P., Yaden D. B., Biassoni F., Riva G. and Gaggioli A. (2017), “Effectiveness of immersive videos in inducing awe: an experimental study”, *Scientific Reports*, no. 7, article 1 218, <https://doi.org/10.1038/s41598-017-01242-0>
- Diemer J., Alpers G. W., Peperkorn H. M., Shiban Y. and Mühlberger A. (2015), “The impact of perception and presence on emotional reactions: a review of research in virtual reality”, *Frontiers in Psychology*, no. 26, article 6, <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2015.00026>
- Doornwaard S. M., ter Bogt T. F., Reitz E. and van den Eijnden R. J. (2015), “Sex-related online behaviors, perceived peer norms and adolescents' experience with sexual behavior: testing an integrative model”, *PLoS One*, no. 10 (6), article e0127787, <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0127787>
- Egorov A. Yu. (2015), “Modern views on Internet addiction and approaches to its correction”, *Meditsinskaya psikhologiya v Rossii*, vol. 33, no. 4, pp. 4–10.
- Galyautdinova S. I. and Akhmadeeva E. V. (2013), “Understanding adultery among internet users”, *Vestnik Bashkirskogo universiteta*, vol. 18, no. 3, pp. 906–911.
- Galyautdinova S. I. and Akhmadeeva E. V. (2015), “Attitude towards virtual sex among Runet users”, *Advanced studies in science: theory and practice. The Collection of Scholarly Papers*, Global Partnership on Development of Scientific Cooperation; Ron Bee and Associates Company, London, UK, pp. 119–127.
- Horujy S. (2019), “The posthuman and the virtual man in their modes of socialization”, *Russian Studies in Philosophy*, vol. 57, no. 1, pp. 97–115, <https://doi.org/10.1080/10611967.2019.1545993>
- Ilyin I. V. et al. (2020), *Two in society: an intimate couple in the modern world*, Ed. I. V. Lomakin, Russian Public Opinion Research Centre (VCIOM), Moscow, Russia. (in Russian).
- Koike M. and Loughnan S. (2021), “Virtual relationships: anthropomorphism in the digital age”, *Social and Personality Psychology Compass*, vol. 15, no. 6, article e12603, <https://doi.org/10.1111/spc3.12603>
- Lednikov E. E. (2010), “Virtual Reality and Philosophy”, *Epistemology and Philosophy of Science*, vol. 25, no. 3, pp. 239–241.
- Letov E. V. (2013), “Network identity in culture of modern information society”, *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*, vol. 54, no. 4, pp. 62–65.

- Liong M. and Cheng G. (2019), "Objectifying or liberating? Investigation of the effects of sexting on body image", *The Journal of Sex Research*, vol. 56, no. 3, pp. 337–344, <https://doi.org/10.1080/00224499.2018.1438576>
- Pankratova L. S. (2018), "In search of intimate relationships online: risks of virtual sexual and romantic communications", *Proceedings of the scientific conference "XII Kovalev Readings 'Solidarity and Conflict in Contemporary Society'"*, St. Petersburg, 15–17 November 2018, Ed. Y. V. Asochakov, Skiphya-Print, St. Petersburg, Russia, pp. 430. (In Russian).
- Pankratova L. S. (2019), "Romantic relations of modern Russian youth in the digital age", *Proceedings of the All-Russian scientific conference with international participation "XIII Kovalev Readings 'Youth of XXI century: an image of the future'"*, St. Petersburg, 14–16 November 2019, Eds. N. G. Skvortsov and Y. V. Asochakov, Skiphya-Print, St. Petersburg, Russia, pp. 568–569. (In Russian).
- Prilukova E. G. and Koshkarova N. N. (2017), "Reality of unreal: world as a stream of simulacra", *Filosofiya i nauka*, no. 16, pp. 155–162. (In Russian).
- Proekt Yu. L. and Zibzibadze M. G. (2016), "User as a character: narratives of virtual romantic relationships", *Proceedings of the international conference "Digital society as a cultural and historical context of human development"*, Kolomna, 11–13 February 2016, Ed. R. V. Ershova, State University of Social Sciences and Humanities, Kolomna, Russia, pp. 342–346. (In Russian).
- Puzanova Zh. V. (2009), "Sociological study of loneliness: the problem of conceptual model development", *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Sociology*, no. 2, pp. 42–46. (In Russian).
- Rogova E. E. (2009), "Loneliness in the conditions of social transformation of a modern society (the conceptual analysis)", *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, no. 3–4, pp. 68–76.
- Ross M. W. (2005), "Typing, doing, and being: Sexuality and the internet", *The Journal of Sex Research*, vol. 42, no. 4, pp. 342–352, <https://doi.org/10.1080/00224490509552290>
- Rudenko A. M. and Filimonova E. A. (2008), "Virtual novels" as a form of compensation for the emotional deprivation of a modern person", *Social and humanitarian problems of our time. Collection of scientific papers*, South Russian State University of Economics and Service, Shakhty, Russia, pp. 70–72. (In Russian).
- Shchekoturov A. V. (2017), "From flirting to sex reassignment: adolescents' alternative practices of self-presentation on VKontakte social media website", *The monitoring of public opinion: economic and social changes journal*, no. 6 (142), pp. 327–343, <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.6.17>
- Skowron B. (2020), "Virtual objects: becoming real", *Horizon*, no. 2, pp. 619–639, <https://doi.org/10.21638/2226-5260-2020-9-2-619-639>
- Velichkovsky B. B. (2016), "Influence of error detection and correction on the phenomenon of presence in virtual environments", *Vestnik moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya*, no. 3, pp. 25–33.
- Voiskunsky A. E. (2016), "Behavior in a cyberspace: some psychological principles", *Chelovek*, no. 1, pp. 36–49.
- Young K. S. (2011), "CBT-IA: The first treatment model to address Internet addiction", *Journal of Cognitive Therapy*, vol. 25, no. 4, pp. 304–312, <https://doi.org/10.1891/0889-8391.25.4.304>
- Zaitseva O. V. (2019), "Somatic code in sexting", *Political Linguistics*, vol. 78, no. 6, pp. 171–181, <https://doi.org/10.26170/pl19-06-22>
- Zubareva S. S. (2011), "Love in the Net": a means of avoiding loneliness or an opportunity to escape from reality (a socio-philosophical analysis)", *Proceedings of XLIX International Scientific Student Conference "Student and Scientific and Technological Progress"*, Novosibirsk, 16–20 April 2011, Novosibirsk National Research State University, Novosibirsk, Russia, pp. 148–152. (In Russian).